

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭЛИТНЫХ ГРУПП ВО ФРАНЦИИ

Н.Ю. Лапина

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.2>

Аннотация. *Статья посвящена трансформации в годы Пятой республики во Франции отношений между политиками, интеллектуалами и журналистами. В коммуникационном обществе роли политических, информационных, интеллектуальных акторов меняются. Политики наряду с интеллектуалами и журналистами все чаще выполняют функцию коммуникаторов. Развитие коммуникации трансформирует политику и журналистику: властные отношения конструируются и осуществляются с помощью коммуникационных процессов. Все более прозрачными становятся границы между политической, коммуникационной, интеллектуальной деятельностью. В эпоху медиаполитики число акторов, действующих в информационном пространстве, возрастает. Коммуникационные роли осваивают судьи и следователи, что противоречит принципу тайны следствия. Отношения внутри элитного треугольника и за его пределами становятся все более напряженными. Нынешнюю ситуацию можно определить формулой «борьба всех против всех».*

Ключевые слова: *политики, интеллектуалы, журналисты, Пятая республика, Франция, коммуникационная революция, медиаполитика, коммуникация.*

Элиты — ведущие акторы политической, экономической, культурной жизни. В состав элиты входят представители различных социально-профессиональных групп — политики, государственные чиновники, представители крупного бизнеса, интеллектуалы, журналисты. Каждая элитная группа действует в особом пространстве, обладает специфическими ресурсами и влиянием. В статье

анализируются взаимодействие во Франции трех элитных групп: политиков, интеллектуалов и журналистов.

Представители политической элиты занимают руководящие позиции в институтах власти, принимают ключевые решения в жизни страны и контролируют их исполнение. К интеллектуальной элите относятся лица, вносящие особый вклад в развитие науки, культуры, искусства. Люди творческих профессий — писатели, режиссеры, ученые действуют в интеллектуальном пространстве и являются носителями знаний. Журналисты — профессиональные коммуникаторы. Они транслируют информацию об основных событиях общественно-политической жизни и комментируют ее. Все три элитные группы влияют на общественный дискурс, настроения и предпочтения граждан.

Во Франции исторически сложилось так, что интеллектуалы и журналисты активно участвуют в политической жизни. Великие писатели и историки прошлого — В. Гюго, Ф.-Р. де Шатобриан, А. де Ламартин, Ф. Гизо, А. Тьер были политиками. Журналисты заседали в парламентах Третьей и Четвертой республик. В свою очередь многие французские политики известны как писатели и журналисты. В современном обществе содержание деятельности социальных акторов меняется, каждый из них стремится расширить пространство собственного влияния.

Автора интересовало, как на протяжении истории Пятой республики трансформировались отношения между политикой, журналистикой и интеллектуальной деятельностью. Хотелось понять, как меняются социальные роли в эпоху медиаполитики. Коммуникация пронизывает все сферы общественной жизни, оказывает влияние на политику, формирование политических представлений. “Медиа, — пишет теоретик концепции сетевого информационного общества М. Кастельс, — не является четвертой властью. Они гораздо важнее: они являются пространством создания власти” (Кастельс 2016: 222). В XXI столетии политика делается с помощью камер, становится заложницей

СМИ. Обращение к этой теме позволяет выявить, как в современной Франции конструируются механизмы политического влияния, выстраивается политическая коммуникация и создаются политические образы.

В статье взаимодействие между политиками, интеллектуалами и журналистами рассматривается в двух плоскостях: «извне» и «изнутри». В первой части анализируется история отношений внутри элитного треугольника, во второй на основе интервью прослеживается, как сами акторы оценивают взаимодействие с другими субъектами и реагируют на изменение собственных социальных ролей.

В работе над статьей использовались материалы двух эмпирических исследований, проведенных автором¹, в ходе которых методом полуструктурированного интервью были опрошены французские политики — нынешние и бывшие депутаты Национального собрания, сенаторы, мэры, министры, сотрудники партийных аппаратов, представители ведущих политических партий, эксперты, журналисты, ученые. Всего было записано и проанализировано 95 интервью продолжительностью 50 мин — 1,5 час. каждое. Выдержки из интервью приведены в тексте в кавычках и выделены курсивом.

Автор выражает глубокую благодарность Фонду дома наук о человеке (Париж), при поддержке которого исследование было осуществлено, и лично его президенту М. Вивьорке (M. Wiewiorka). Хочу выразить признательность моим друзьям — Од д'Аркур (Haude d'Arcourt) и Владимиру Мачабелли (Wladimir Matchabelli), без помощи которых это исследование не удалось бы осуществить.

---

¹ «Образ России во Франции в начале XXI века» и «Французские политические институты и акторы: традиции и современность». — *Н.Л.*

ПОЛИТИКИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

На протяжении истории Пятой республики отношения между политиками, журналистами и интеллектуалами трансформировались в контексте изменения политического режима и растущей роли коммуникации в обществе. В истории этих отношений выделяются четыре периода: (1) формирование основ нового политического режима и контроль над СМИ (1958–1974); (2) начало модернизации политических институтов (1970-е годы); (3) демократизация политических институтов и развитие коммуникации (1980–1990-е годы); (4) изменение баланса ветвей власти и возрастание роли коммуникации в общественно-политической жизни страны (2000–2010-е годы). Каждый из этих периодов окрашен особенностями, характеризовавшими первых лиц государства с их стилем управления и взаимодействия с окружающим миром.

Первый период (1958–1974) связан с формированием основ политического режима Пятой республики. В эти годы в деятельности политической элиты преобладали охранительные тенденции: ей предстояло создать и укрепить новые политические институты. СМИ в этом контексте рассматривались как инструмент легитимации новых институтов власти. И не только: фильтрация информации позволяла власти удерживать контроль над политическими институтами и обществом. В 1950-1960-е годы власть с подозрительностью относилась к средствам массовой информации. «Наше радио, наше телевидение, это ч удовицно! Журналисты, продюсеры почти все враждебно настроены», — с раздражением замечал Ш. де Голль в беседе с министром информации А. Перфитом (Peurefite 1994: 131).

Печатная пресса, отражающая позиции различных групп интересов, была свободной. В условиях политической демократии контролировать ее было сложно, но надзор осуществлялся. Елисейский дворец внимательно следил за печатными публикациями и в случае недовольства реагировал. Об одном из таких эпизодов рассказывает известный политический аналитик А. Дюамэль. Комментируя

ситуацию накануне президентских выборов 1965 г., он, молодой журналист, в статье, опубликованной газетой «Le Monde», делал вывод, что голлизм утратил поддержку молодежи и простого народа. За публикацией последовал вызов к министру информации (Duhamel 2014:19).

В 1950-1960-е годы радиовещание и телевидение во Франции находились под жестким контролем. Монополистом в телевидении выступало государственное Французское агентство радио- и телевидения (Office de Radiodiffusion-Télévision française, ORTF). Власть не только контролировала телевидение, но и широко использовала новый информационный ресурс. Первое телевыступление Ш. де Голля состоялось в апреле 1958 г. Глава государства быстро освоил новый телевизионный формат и покорила аудиторию своими ораторскими способностями. Хлесткие словечки Ш. де Голля повторяла вся Франция. Его выступления пользовались такой популярностью, что в момент их трансляции кинотеатры пустели. В годы правления основателя Пятой республики телевидение превратилось в мощный механизм политического влияния.

Вертикаль власти, выстроенная де Голлем, была излишне жесткой и не учитывала произошедших в обществе перемен. Молодое поколение, не знавшее угрозы гражданской войны, поставило под сомнение легитимность жесткой власти. В 1968 г. основы политического консерватизма были потрясены массовым движением протеста. В 1969 г. основатель Пятой республики Ш. де Голль ушел в отставку. На этом посту его сменил Ж. Помпиду. В годы его президентства отношения власти и СМИ мало изменились. Запомнилось оскорбительное, с точки зрения журналистского сообщества, высказывание президента: тележурналисты — «это голос Франции», что диссонировало с их самосознанием и самопрезентацией как автономных и независимых акторов политического процесса. Однако не учитывать сдвигов, произошедших в обществе, власть не могла. В 1969 г. в правительственных кругах был поднят вопрос об автономном статусе

телевидения. Французское агентство радио- и телевидения было реформировано.

На втором этапе (1974–1981) политические элиты приступили к обновлению политических институтов Пятой Республики. В 1974 г. президентом Франции был избран В. Жискара д'Эстен. Новый глава государства ставил своей целью модернизацию институтов, общества, экономики. В сфере информационной политики было заявлено, что отныне власть не будет вмешиваться в ее формирование. В. Жискара д'Эстен начал свое правление с реформы телевидения. Французское агентство радио- и телевидения ликвидировалось, на его месте создавались три телевизионных канала (TF1, Atenne 2, FR3), что по мысли авторов реформы должно было внести дух конкуренции в работу государственных телеканалов.

В политической области одной из важнейших реформ президентства (1974–1981) стало расширение прав политической оппозиции (Лапина 2016), а в медийной сфере — утверждение принципов политического плюрализма. Телевидение из механизма влияния властных элит начало превращаться в арену политической борьбы. В 1970-е годы на телевидение и радио все чаще приглашали оппозиционных политиков. Тележурналисты перестали быть «голосом Франции» и свободно высказывали собственное мнение. Изменилось содержание работы журналиста: информационный контент уступил место комментарию.

В. Жискара д'Эстен представлял поколение французских политиков, у которых не было исторической легитимности Ш. де Голля и его соратников. Он стремился создать новый тип легитимности, который опирался бы на модернизированный образ президентской власти. Большое внимание глава государства уделял формированию имиджа открытого и демократичного политика (Chapsal 1981: 536–538). Коммуникационная функция власти усилилась. Формы общения первого лица с нацией становились разнообразными. В 1959 г. в секретариате Елисейского дворца был всего один пресс-атташе, в 1970-

е годы в нем появился отдел по связям с общественностью. Аналогичные структуры создавались во французских министерствах и ведомствах.

Открытость власти и возрастание роли журналистского сообщества явились несомненными признаками демократизации общественной жизни. Именно в эти годы вспыхнул первый крупный политический скандал, благодаря СМИ получивший всеобщую и звестность¹. Эта история нанесла удар по политическому имиджу главы государства.

Третий период (1981–1990-е годы) отмечен демократизацией политических институтов и развитием коммуникации. В мае 1981 г. президентом Франции был избран социалист Ф. Миттеран. Лидер Социалистической партии пришел к власти, вооруженный программой, которая должна была изменить жизнь французского общества (*Changer la vie* 1972). Впервые после 1947 г. в состав правительства вошли коммунисты. Исторической стала начатая президентом политика децентрализации. Цель реформы состояла в том, чтобы изменить отношения между государством и местным самоуправлением и придать территориально-административным единицам реальные полномочия. Кстати, эта реформа имела прямое отношение к развитию средств массовой информации.

В 1980-е годы в сфере вещания и телекоммуникации утвердились новые принципы либерализма. В 1980-е годы позиции государства в медийной сфере были потеснены: создавались первые частные телеканалы и 1600 радиостанций, в том числе региональных, на которых была разрешена платная реклама. Коммерческое вещание превратилось в норму жизни. В 1987 г. была осуществлена приватизация TF1, появились условия для формирования мультимедийных концернов. Теперь государственный контроль над медиа осуществлялся посредством выдачи государственных лицензий

---

¹ История о подаренных президенту Франции императором Центральноафриканской Республики Ж.-Б. Бокассой бриллиантах. — *Н.Л.*

компаниям, которые работают на медиарынке. В 1989 г. во Франции был создан Высший совет теле- и радиовещания — независимый телекоммуникационный регулятор, следящий за соблюдением демократических принципов и разнообразием вещания, а также ценообразованием в отрасли.

В 1980-е годы во французских средствах массовой информации окончательно утвердилась политическая свобода. Символом нового времени на телевидении стала наиболее популярная политическая программа 1980 — первой половины 1990-х годов «Час истины» (“L’heure de vérité”). В студию приглашались известные французские политики, вопросы им задавали журналисты разной политической ориентации¹. Исчезли ограничения, касающиеся доступа отдельных политиков к телеэфиру. Лидера ультранационалистического «Национального фронта» начали приглашать для участия в телевизионных передачах после того как глава государства направил руководству телеканалов письмо о том, что запрета на приглашение Ж.-М. Ле Пена не существует².

В 1980–1990-е годы коммуникация окончательно превратилась в самостоятельную сферу деятельности, а профессия «специалиста по связям с общественностью» — «коммуникатора» (в современном французском языке звучит как «*сот*») вошла в государственный реестр должностей и профессий. Ф. Миттеран с большим вниманием относился к коммуникации. В национальном секретариате Социалистической партии, которую он возглавил в 1971 г., был создан

---

¹ Президент регулярно смотрел передачу и, как правило, после нее звонил журналистам, чтобы поделиться своими впечатлениями (Duhamel 2014: 119–121).

² В 1984 г. Ж.-М. Ле Пен был впервые приглашен на программу «Час истины», которая в тот день собрала рекордную 15-миллионную аудиторию. С этого момента началась популярность политика, ставшего яркой телезвездой, постоянным участником политических шоу (Ле Пен 2016: 88–89).

отдел, занимавшийся коммуникацией. Накануне выборов 1981 г. будущий президент лично возглавил эту структуру. Ф. Миттеран не был «медийным» президентом, но не меньше предшественника понимал, какую роль коммуникация играет в политической жизни. В качестве главы государства он выработал особый стиль, который продолжает оставаться образцом для многих французских политиков. В телевыступлениях он сохранял особый лирический тон, его культура, знания литературы и истории восхищали. *“Когда Миттеран выступал, — вспоминает респондент, — его слушали все, независимо от политических симпатий. Французам было ясно: перед ними человек, обладающий огромными знаниями и большой культурой”*.

На протяжении 1960-х годов Ф. Миттеран прославился как бескомпромиссный противник «режима личной власти». Став главой государства, он сохранил все prerogatives главы государства. В ходе первой пресс-конференции в новом качестве Ф. Миттеран подчеркнул, что во французской политике главе государства принадлежит особое место и следовал этому принципу на протяжении двух президентских сроков. Президенту удалось окружить себя «ореолом величия». Современники называли Ф. Миттерана «монархом», а участники интервью вспоминали о нем как о *«последнем великом президенте Пятой республики»*.

Придя к власти, Ф. Миттеран обещал, что Елисейский дворец станет «прозрачным». Но в действительности спецслужбы никогда не работали так активно, как в годы его президентства. Жизнь главы государства была окружена тайной. В отношениях с журналистами Ф. Миттеран сохранял дистанцию. Вокруг президента сложился круг журналистов, которые посещали его в Елисейском дворце или сопровождали в поездках. Гнева президента журналисты опасались: телефон неугодного журналиста мог быть поставлен на прослушивание, а сам он стать объектом пристального внимания налоговых органов (Giesbert 2011: 12). Почти до самой кончины главы государства в прессе

не было утечек информации о существовании второй семьи президента и его болезни.

Если выйти за рамки персональных отношений первого лица с журналистским сообществом, отношения между политиками и журналистами в 1990-е годы претерпели существенные изменения. В эти годы политики все чаще превращались в объект журналистских расследований. Во Франции начались крупные антикоррупционные дела¹. Большую роль в них играли судьи и следователи, ставшие более откровенными с журналистами. Самым крупным политическим скандалом 1990-х годов было дело министра иностранных дел и близкого друга президента Р. Дюма, получавшего вознаграждения от нефтяной компании «Эльф».

Четвертый период (2000–2010 годы) отмечен продолжавшейся трансформацией политических институтов и возрастанием роли коммуникации в общественно-политической жизни Франции. В 2000 г. по инициативе Ж. Ширака была проведена конституционная реформа, сократившая президентский мандат с семи до пяти лет² и способствовавшая концентрации властных полномочий в руках главы государства. Беспрецедентной по масштабам стала реформа политических институтов, осуществленная Н. Саркози (2007–2012). В 2008 г. президентский мандат был ограничен двумя сроками; изменился баланс между различными ветвями власти; усилился контроль над деятельностью главы государства; возросла правовая ответственность главы государства; расширены полномочия парламента; произошло укрепление судебной ветви власти.

---

¹ В 1960-е годы во Франции было три крупных политических скандала, в 1990-е годы — пятьдесят. Все чаще политические скандалы связаны с коррупцией, скрыванием доходов, неуплатой налогов (Baudriller 2015).

² Закон вступил в силу в 2002 г. Первым президентом, избранным на пятилетний срок, стал Ж. Ширак. — *Н.Л.*

Новый институциональный дизайн складывался в условиях, когда в сфере коммуникационных технологий произошли революционные изменения. В предшествующие два десятилетия появились цифровые технологии, возросло разнообразие средств коммуникации, появился Интернет. Политические последствия этих изменений в полной мере проявились в начале нового тысячелетия, когда политика все чаще стала превращаться в «медиаполитику» (Кастельс 2016: 258). Медиа, — замечает политический аналитик А. Дюамель, — «опасны и жестоки», они могут способствовать росту популярности политика или, наоборот, уничтожить того, кого только что восхваляли (Duhamel 2014: 236). О «взбесившейся медиамашине» и ее безнаказанности повествуют те, кто стал ее жертвой (Trierweiler 2015: 212).

Политические акторы, чтобы быть услышанными, приобрести и сохранить влияние, вынуждены постоянно присутствовать на разных коммуникационных платформах. Они не просто предъявляют потенциальным избирателям свои идеи и политические программы, но должны быть привлекательными, а связанные с ними события яркими и запоминающимися. Исследование, проведенное во Франции в 2014 г., показало, что 90% депутатов Национального собрания имеют собственные сайты, 60% активно общаются в Twitter (Radiographie 2014). Нередко для политиков, которые стремятся постоянно находиться в центре внимания, коммуникация является важнейшим, если не основным, занятием. *“Таких депутатов мало интересует обсуждение в парламенте, на котором они присутствуют. Во время сеанса они отвечают на вопросы, дают комментарии”*, — замечает респондент.

Постоянное присутствие в социальных сетях поддерживает интерес к политике, расширяет его социальную базу. Если политик является хорошим коммуникатором, владеет инновационными технологиями, у него есть шанс собрать большое число сторонников. Один из кандидатов на президентский пост в кампании 2017 г. Э. Макрон заявляет, что у его движения «Вперед!». 200 тыс. членов, при этом речь

не идет о традиционном партийном членстве, но о поддержке в социальных сетях. Ж.-Л. Меланшон, другой претендент на президентский пост в 2017 г., имел 100 тыс. подписчиков на YouTube, бывший президент Франции Н. Саркози — 7500, а Ж.-М. Ле Пен — 6400 (Mélenchon 2016: 14). В последние годы росло влияние ближайшего окружения политиков, в первую очередь специалистов в сфере коммуникации. Эта тенденция просматривается на всех уровнях власти (Rouban. 2015).

Медиатизация политики заставляет политиков с особой тщательностью заботиться о создании собственного образа. В истории Франции многие политики, начиная с Наполеона Бонапарта, брали уроки актерского мастерства. Сегодня медиа-тренинги для публичных фигур становятся нормой. Политики обучаются у специалистов, как держать себя перед публикой и под светом софитов. Ж. Ширак в медийном пространстве в различные периоды жизни вел себя по-разному. Будучи в оппозиции, он старался выглядеть агрессивным, способным завоевать власть. За эти качества он получил прозвище “Бульдозер”. Став президентом, он переменял тактику, стремясь создать образ сердечного и дружелюбного человека. Вспоминая Ж. Ширака, респонденты говорили о его особом красноречии и подчеркнутом демократизме: *“Он часами мог общаться с народом, создавая впечатление у слушателей, что он — их друг. В этом была невероятная сила Ширака”*.

Наиболее медиатизированным президентом Франции в 2000-е годы стал Н. Саркози. Будучи министром¹, он установил доверительные отношения с журналистским сообществом. Журналистов привлекали откровенность Н. Саркози, его прирожденный дар импровизации. Пресса и телевидение способствовали росту популярности политика. Однако

---

¹ В 1993–1995 гг. Н. Саркози был министром бюджета, в 2003–2004 гг. — министром внутренних дел. — Н.Л.

взаимная симпатия улетучилась вскоре после победы Н. Саркози на президентских выборах.

Институт президентской власти предъявляет к политику особые требования: умение вести себя с достоинством, соблюдать дистанцию, не допускать фамильярности. Став президентом, Н. Саркози не нашел нужной тональности в общении с журналистами. Представителей журналистского сообщества шокировали привычки и близкое окружение главы государства. Ужин в роскошном парижском ресторане в день победы на выборах, отдых на яхте друга миллиардера, личные связи с представителями крупного бизнеса вызывали раздражение и разочарование. «Республика Саркозия» с самого начала была «помечена каленым железом плутократии», с издевкой пишет французский журналист (Giesbert 2011: 71).

Медиатизация общественно-политической жизни не только обманчиво сократила дистанцию между президентом и рядовыми гражданами, но и стерла грань между публичной и личной жизнью главы государства. О романе президента с бывшей манекенщицей и певицей К. Бруни судачила вся страна. Его встречи с журналистами проходили все в более натянутой обстановке. Глава государства мог устроить разнос журналисту или главному редактору издания по поводу не понравившейся ему статьи. В конце президентства журналисты стали наиболее ожесточенными критиками главы государства, их позиция, как считают некоторые участники опроса, определила исход президентских выборов в 2012 г.

Нынешнего главу государства Ф. Олланда принято считать, в отличие от предшественника, наименее медиатизированным президентом Пятой республики. Распространению этого суждения способствовали нетелегиничность главы государства. В первые два года президентства Ф. Олланд мало контактировал с журналистами. К тому же в самом начале президентства Ф. Олланд оказался в эпицентре громкого скандала. Желая быть «нормальным» президентом, он поселил в Елисейском дворце гражданскую жену, с которой позже

расстался. Глава государства не учел одного обстоятельства: высокий статус во власти делает любое событие личной жизни президента достоянием общественности. Брошенная женщина, кстати, журналистка, нанесла ему профессиональный удар: она отомстила президенту-мужчине, издав «разоблачающую» книгу (Trierveller 2015).

В результате главе государства пришлось публично отвечать на неудобные вопросы журналистов, что негативно сказалось на его репутации. Но, главное, развернутая против него медийная кампания доказала, что у французского президента не может быть частной жизни, и «обычным» гражданином он станет, лишь перестав быть главой государства. Серьезный удар по репутации президента нанесли коррупционные скандалы, самым тяжелым из которых стало дело министра бюджета Ж. Каюзака, обвиненного в неуплате налогов и отмывании денег. И хотя честность самого президента под вопрос никогда не ставилась, дело это имело для первого лица негативные последствия.

Но приближались новые президентские выборы. Надо было исправлять сложившуюся ситуацию и пытаться изменить в позитивную сторону образ президента. Начиная с 2014 г. встречи Ф. Олланда с журналистами становились более частыми. Желая быть главой «образцовой республики», президент широко открыл телевизионщикам доступ в свою резиденцию. За годы его правления было снято большое число документальных фильмов о жизни Елисейского дворца, сопровождавшихся многочисленными интервью президента. Коммуникационная составляющая в деятельности главы государства становилась все более заметна, но удачи ему не принесла.

На протяжении 2016 г. президент неоднократно давал интервью, которые транслировались по телевидению или публиковались в прессе. В свет вышла книга — серия интервью с президентом, написанная в благожелательном тоне (Antonin, Rissouli 2016). По мере приближения президентских выборов начала подниматься волна компромата. Журналистам принадлежало не последнее место в организации

кампании против президента и его окружения. Одним из первых стало журналистское расследование под хлестким названием «Кэ д'Орсэ¹, министерство без руля и без ветрил» (Jauvert), в которой раскрывались незаконная деятельность "дипломатической номенклатуры", злоупотребления должностным положением, использование государственной собственности в корыстных целях. Тяжелый осадок оставлял рассказ о том, как в атмосфере тайны принимаются внешнеполитические решения, организуются секретные миссии. Почти сразу после этого в свет вышла книга "Неофициальный разговор: Секреты, предательства, неприглядные истории Елисейского дворца" (Marteau, Zemouri 2016). Основанная на публикациях в прессе и интервью с сотрудниками президента, она повествовала о том, как люди из президентского окружения борются за ресурсы и власть, оказывают давление на судебную систему и следствие.

Осенью 2016 г. разразился еще один скандал. Журналистами газеты "Ле Монд" Ж. Давэ и Ф. Ломом была опубликована книга "Президент не должен был так говорить". Ее авторы в течение многих часов записывали беседы с президентом республики. Нелицеприятные высказывания первого лица о "лживых судьях" и иммигрантах, которых в стране стало "слишком много", его откровения о приказе физического устранения террористов и заявления типа "женщина в хиджабе — это Марианна завтрашнего дня" возмутили даже близких к Ф. Олланду людей. Выход книги стал тяжелым ударом для президента: соратники отвернулись, его рейтинг упал до исторического минимума (в ноябре 2016 г. за него в первом туре выборов были готовы проголосовать 12% избирателей) (Liste de sondages 2017). В результате Ф. Олланд принял решение не выдвигать свою кандидатуру на президентских выборах, став первым президентом Пятой республики, который отказался баллотироваться на второй срок.

---

¹ Министерство иностранных дел. — *Н.Л.*

ПОЛИТИКИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

Во Франции отношения политиков и интеллектуалов можно определить формулой взаимное притяжение — отталкивание. В стране, где традиционно существует глубокое уважение к культуре, многие политики хотели бы быть интеллектуалами. Писательским даром обладал Ф. Миттеран. «Он любил литературу, — вспоминал друг президента, — однако у него была другая страсть» (Lacouture 1998: 133). Валери Жискар д'Эстен сожалеет, что не умеет писать, как Г. де Мопассан. «Франция — страна графоманов», — убежден респондент. Многие французские политики — авторы литературных произведений. Бывший министр культуры и мэр Парижа Ж. Ланг — автор более 20 романов и эссе. Руководитель центристской партии «Демократическое движение» и мэр г. По Ф. Байру — автор многочисленных произведений, в том числе биографии Генриха IV. Л. Фабиус — в прошлом премьер-министр и министр иностранных дел, а ныне председатель Конституционного суда Франции — автор книг, получавших награды на литературных конкурсах, а бывший премьер-министр и министр иностранных дел Д. де Вильпэн — автор исторических романов, поэм, эссе.

До недавних пор президенты Пятой республики стремились оставить после себя значимое культурное наследие. По инициативе Ж. Помпиду в Париже был построен Музей современного искусства — центр Помпиду. В президентство В. Жискар д'Эстена выстроен музей Орсе, а в годы правления Ф. Миттерана — Парижская опера на площади Бастилии и библиотека, носящая его имя. Многие культурные инициативы были осуществлены в президентство Ж. Ширака. По его инициативе был реставрирован музей Гимэ (Musée Guimet). В 2006 г. на набережной Бранли в Париже был открыт Музей культур Африки, Азии, Океании, которому в 2016 г. было присвоено имя Ж. Ширака.

В свою очередь французские интеллектуалы не ограничивают свою деятельность сферой культуры. Само понятие «интеллектуал» во

французском языке возникло в контексте политических событий¹. Под интеллектуалами во Франции понимаются люди творческого труда, завоевавшие признание в обществе своим талантом и профессионализмом, высказывающиеся по актуальным вопросам общественно-политической жизни и занимающие, как правило, критическую позицию по отношению к действующей власти (Winock 2011: 5-6). «Во Франции у интеллектуала особый престиж. Его вмешательство в политику рассматривается как естественное и даже востребованное», — писал французский политолог Р. Ремон (Remond 1959: 862). На государственном уровне выдающимся писателям, ученым воздаются высокие почести — от присуждения премий и наград до торжественного захоронения в Пантеоне.

В годы Пятой республики отношения между политиками и интеллектуалами развивались не безоблачно, переживая свои подъемы и спады. Ш. де Голль, говоря о качествах, которыми должен обладать руководитель, особое внимание уделял уму, способности размышлять и анализировать, но важнейшим считал наличие общей культуры (Де Голль 2006: 29). Основатель Пятой республики с большим вниманием относился к людям творческих профессий, высоко ценил деятельность Французской академии. Глава государства полагал, что своей деятельностью люди науки и искусства способствуют упрочению влияния Франции в мире. В окружении Ш. де Голля в разное время были известные писатели и мыслители — Ж. Бернанос, Р. Арон, А. Мальро².

---

¹ «Интеллектуалами» в конце XIX в. называли дрейфусаров — писателей, ученых, журналистов, выступивших в поддержку А. Дрейфуса, офицера, обвиненного в государственной измене. Первым голос в поддержку офицера поднял классик французской литературы Э. Золя, своим обращением «Я обвиняю» заявив об особой роли творческих людей в общественно-политической жизни. — *Н. Л.*

² В 1958–1959 гг. А. Мальро был министром по делам радио-, телевидения и прессы; в 1962–1969 гг. — министром культуры. — *Н.Л.*

Однако отношения основателя Пятой республики с интеллектуальным сообществом не сложились. «Де Голль упустил возможность встретиться с интеллектуалами в целом и с левыми интеллектуалами, в частности», — пишет историк Ф. Шобэ (Chaubet 2008: 269). Непонимание между творческой интеллигенцией и Ш. де Голлем имело идейно-политические основания. В послевоенные годы во французской интеллектуальной среде получили широкое распространение левые взгляды, стал популярен марксизм. Многие известные писатели, философы, историки стали коммунистами или их попутчиками. В этой среде патриотизм де Голля, его любовь к Франции не находили понимания. «Почему интеллектуалы больше не верят во Францию?» — недоумевал Ш. де Голль. Основателю Пятой республики было непонятно вмешательство интеллектуалов в общественно-политическую жизнь. Глава государства исповедовал принцип, что каждый должен заниматься своим делом: политики принимают и реализуют политические решения, люди творческих профессий занимаются наукой и искусством.

В свою очередь де Голль был объектом постоянной критики со стороны левых интеллектуалов, которые осуждали его за авторитаризм и «монархический» режим Пятой республики. Для сторонников классовой борьбы, неприемлемым было стремление главы государства объединить нацию. Столкновения между политической и интеллектуальной элитой в 1950-1960-е годы были многочисленными. Тем не менее, власть открыто не стремилась подавить оппонентов. Показателен один, получивший резонанс, конфликт. Накануне президентских выборов (1965) впервые Французским институтом общественного мнения был проведен опрос избирателей, показавший, что действующий президент не набирает абсолютного большинства в первом туре. В опросе политическая элита увидела угрозу собственной власти. Под вопрос было поставлено будущее Французского института общественного мнения (Institut français de l'opinion publique). В ходе

голосования результаты опроса подтвердились. Все же власть была вменяемой, и институт закрыт не был.

Особое место в интеллектуальном сообществе принадлежит экспертам, профессионалам, которые напрямую работают с политиками, консультируют их, пишут экспертные заключения. В голлистской Франции функцию экспертов выполняли высокопоставленные государственные служащие, выходцы из больших «государственных корпусов», к которым основатель Пятой республики питал особое уважение. Именно эти квалифицированные и компетентные администраторы стояли у истоков планирования и восстановления экономики в послевоенные годы. В 1950–1960-е годы во Франции сформировалось новое поколение государственных служащих. Многие из них закончили созданную в 1945 г. Национальную административную школу, в которой на протяжении десятилетий будут формироваться французские политико-административные элиты.

В годы правления В. Жискара д'Эстена отношения между президентом и представителями интеллектуального сообщества претерпели изменения. Глава государства по примеру американского президента — недаром его называли «французским Кеннеди» — окружил себя советниками и экспертами. В. Жискара д'Эстен для консультаций стал привлекать профессионалов. Глава государства способствовал созданию смешанных комиссий, в их состав вошли люди, обладавшие общепризнанной компетенцией, в том числе представители университетских кругов, делового сообщества, деятели науки и искусства, журналисты. Комиссия по просьбе президента готовила доклад, в котором формулировались конкретные рекомендации (Жискара д'Эстен 1990: 170). Об уважении президента к интеллектуальной элите свидетельствовали и его назначения. Среди советников В. Жискара д'Эстена выделялся экономист Л. Столерю. В 1976 г. на пост премьер-министра президент назначил известного экономиста, профессора университета Р. Барра. Отношение главы

государства к представителям интеллектуальных профессий в целом отражало уважение, которое испытывало к профессионалу французское общество в 1970-е годы.

Новым в годы правления В. Жискара д'Эстена стало появление так называемого «ближнего окружения» (*entourage proche*). В секретариате Елисейского дворца были созданы новые службы, в них вошли психологи, журналисты, социологи. Повысился статус социологии. Правящая элита осознала, что опросы могут стать источником информации об общественных настроениях, эффективным инструментом политического управления. Елисейский дворец стал регулярно заказывать социологические исследования, которые позволяли измерить эффективность выступлений главы государства, предпринимаемых им политических шагов.

Отношения Ф. Миттерана с интеллектуальной элитой во многом определялись его отношением к культуре и особенно литературе. В молодости Ф. Миттеран мечтал стать писателем. Ф. Миттеран верил в силу культуры: «Культурный компонент будет играть все более важную роль», — говорил он в конце жизни (Цит. по: Рахшмир 2003). На многочисленных фотографиях политик изображен читающим, с книгой в руках.

Президент много и с удовольствием общался с творческими людьми. Ближний круг главы государства составляли известные писатели М. Дюрас, Ф. Мориак, Ф. Саган. Дружба с писателями создает политику определенную ауру, а во французском случае способствует его легитимации. На протяжении всей жизни писатель Ф. Мориак был старшим другом политика, неоднократно поддерживал его в драматические моменты жизни.

Отношение Ф. Миттерана к экспертам подчинялось продуманной стратегии. В годы, когда Ф. Миттеран возглавил политическую оппозицию, он начал готовить ФСП к приходу к власти. У лидера оппозиции сформировалось свое окружение: секретариат, группа экспертов. В качестве экспертов Ф. Миттеран подбирал людей, «в

которых подлинный милитантизм сочетался с экспертными навыками, включая знания о том, как функционирует государство» (Jospin 2010: 60). В 1970-е годы Ф. Миттеран окружил себя молодыми однопартийцами, которые имели дипломы престижных «больших школ» и опыт работы в системе государственного управления. Среди них были Л. Фабиус, Ж. Аттали, Л. Жоспен, П. Килес. Мои «лейтенанты», называл их Ф. Миттеран, «хозяин», — называли они его.

Тонкий психолог, Ф. Миттеран оценивал не только интеллектуальные, но и организаторские способности молодых экспертов. В 1973 г. первый секретарь ФСП предложил Л. Жоспену войти в состав Национального секретариата ФСП, в годы первого президентства Ф. Миттерана Л. Жоспен сменил его на посту руководителя партии (1981–1988). Выпускник престижной Политехнической школы П. Килес организовал избирательную кампанию президента в 1981 г. В 1974 г. в ряды ФСП вступил инспектор финансов¹ М. Рокар. «Вам предстоит готовиться к установлению контроля над государственным аппаратом», —

предупредил его Ф. Миттеран (Raff у 2016: 22). Вместе с тем, как полагают некоторые из респондентов, экспертное окружение президента оставалось политизированным и достаточно замкнутым.

Продуманная кадровая стратегия не означает, что политик не привлекал к работе непартийных специалистов. Исследователь-международник С. Коэн вспоминает события начала 1990-х годов, когда президент с большой осторожностью готовился к принятию решения об участии Франции в военной операции в Персидском заливе. Прежде чем это решение было окончательно принято, в течение января 1991 г. президент внимательно следил за динамикой настроений во французском обществе, по его инициативе регулярно проводились опросы общественного мнения (Cohen 2011).

---

¹ Инспектор финансов — одна из самых престижных должностей в государственной службе Франции. — *Н.Л.*

В годы правления Ф. Миттерана во французской общественно-политической жизни появилось новое явление. Речь идет о «медиатизированных интеллектуалах» — фигурах, которые постоянно востребованы СМИ. На теле- и радиоканалах известные ученые, писатели, артисты — частые гости. Но есть в этой среде особая категория — лица, которые не занимаются наукой или творчеством, но живут для медиасферы и медиасферой. Их отличают тесные связи с властью и крупным бизнесом. Эти фигуры — результат сплетения интеллектуальной профессии, политики и финансов.

В 1990-е годы начало меняться отношение французской политической элиты к культуре. Ж. Ширак не стремился демонстрировать свою культуру, полагая, что это может отдалить его от граждан. В этом смысле поражает, насколько образ политика, сложившийся за рубежом, в частности, в России отличался от того, что бытовал во Франции¹. Лишь в конце президентства Ж. Ширак заговорил о своей любви к японскому и китайскому искусству, которую он пронес через всю жизнь, и более позднем увлечении искусством Африки.

Ж. Ширак испытывал уважение к профессионалам. Историки, специалисты по истории СССР и России, консультировали руководителя государства по вопросам восточной политики. Советником президента по России в течение двух президентских сроков была Постоянный секретарь Французской академии, известный историк Э. Каррер д'Анкосс. Однако к вмешательству людей интеллектуальных проф ессий в политику Ж. Ширак относился с

---

¹ В российских СМИ французский президент неизменно предстает как человек большой культуры, любящий и хорошо знающий русскую литературу, в молодости изучавший русский язык. В декабре 2015 г. в интервью к фильму «Миропорядок» российский президент с большим уважением говорил о Ж. Шираке как о человеке, обладающем «энциклопедическими знаниями» и политическим чутьем // Фильм В. Соловьева «Миропорядок», показан телеканалом «Россия 1» 20 декабря 2015.

недоверием. Ему неоднократно приходилось встречаться с «левыми философами», которые в 1990-е годы проявили высокую политическую активность, в частности, в связи с войной на территории бывшей Югославии. Главу государства эти встречи раздражали, как и требования некоторых из его собеседников начать немедленные военные действия против Сербии.

В 2007 г. в ходе президентской кампании впервые в истории Пятой республики вопросы культуры не обсуждались, а основные кандидаты на президентский пост Н. Саркози и С. Руаяль не позиционировали себя в качестве носителей национальной культуры. На протяжении пятилетнего президентского срока Н. Саркози мало интересовался в опросах культуры. В его окружении блистали звезды шоу-бизнеса — Д. Холлидей, М. Матье, Э. Масиас, спортсмены, телеведущие. Хорошо знакомые с президентом люди признают, что глава государства чувствовал себя потерянным, когда на официальных приемах речь заходила о культуре.

Отношение к ближайшим сотрудникам — советникам, экспертам — у Н. Саркози было высокомерным, пренебрежительным. «Мне приходится все делать самому» (Giesbert 2011: 35) — эта фраза главы государства часто воспроизводится в записках о его президентстве. Непросто складывались его отношения с дипломатическим корпусом. Глава государства редко прислушивался к мнению дипломатов, предпочитая действовать самостоятельно или через своих личных представителей. Центральное место в этом ряду принадлежало «левому философу», по крайней мере так его представляют СМИ, Б.-А. Леви. В 1980-е годы Б.А. Леви стоял у истоков создания левацкой организации «SOS Расизм». В 1990-е годы он сосредоточился на международной тематике, которая принесла ему политические дивиденды: Б.-А. Леви зарекомендовал себя ярким сторонником предоставления независимости Чечне, организатором массовых выступлений в поддержку независимости кавказской республики. В августе 2008 г. в разгар российско-грузинского военного конфликта Б.-А. Леви посетил

Тбилиси. В 2011 г. Н. Саркози поручил ему секретную миссию в Ливию. Философ стал одним из инициаторов проведения Францией военной операции в Ливии, против которой, кстати, выступало Министерство иностранных дел. В феврале 2014 г. Б.А. Леви в Киеве «поддержал» участников майдана.

Кроме особого «чутья» на международные конфликты, Б.-А. Леви обладает мощными ресурсами влияния: занимает прочные позиции в медиасфере, являясь членом наблюдательного совета телевизионного канала “Arte”, хроникером газеты “Le Monde”, регулярно печатается в ведущих французских изданиях. В годы правления Н. Саркози философ стал советником президента. *«Леви поднимает телефонную трубку и звонит президенту»*, — замечал респондент во времена правления Н. Саркози. *«Леви в большой степени министр, чем любой член кабинета»*, — отмечал другой участник исследования. Сегодня, как подчеркивали респонденты, его влияние существенно снизилось.

Обострение внутривластной ситуации, террористическая угроза, казалось бы, должны были сблизить Ф. Олланда и его кабинет министров с экспертным сообществом. Однако этого не произошло. *«Нынешнего президента, — говорит респондент, — идеи не интересуют. Выбирая между ученым и журналистом, он предпочтет журналиста»*. Рассказывают, что глава государства должен был встретиться с экономистом, лауреатом Нобелевской премии Ж. Тиролем, но этой беседе Ф. Олланд предпочел вечер в обществе известного певца.

«В ФСП, — отмечает один из информантов, — не осталось руководителей, которые интересовались бы исследованиями в области социальных наук. В прошлом на наших научных семинарах можно было встретить Ж. Делора, М. Рокара, они скромно сидели в зале, слушали. Нынешние политики далеки от этого. Они думают только о том, как сохранить власть». Респонденты отмечают: среди экспертов, работающих в министерских кабинетах, преобладают молодые люди, выпускники Института политических наук (Сьянс По, Sciences Po), а

также политики, не прошедшие на муниципальных и региональных выборах. *«Они ничего не знают, читают только газеты, для одних статус эксперта, советника — трамплин в политической карьере, для других — способ завершить политическую карьеру».* Другой участник опроса не столь критичен, хотя и он не высокого мнения об экспертном сообществе: *«Правительственные эксперты, — говорит он, — неглупые люди. Но они живут сегодняшним днем, у них нет исторических знаний и глубины».*

В этой связи уместно рассказать о конфликте, который возник между бывшим премьер-министром М. Вальсом и французским социологическим сообществом. После убийства журналистов сатирического журнала «Charlie Hebdo» в начале 2015 г. глава кабинета заявил о том, что власти должны работать вместе с профессионалами, чтобы понять природу терроризма. *«В этот момент никто не предполагал, что террористические акты продолжатся, — замечает респондент. — В ноябре 2015 г. во Франции произошли новые террористические атаки, стало ясно, что терроризм будет нарастать».* В сложнейшей обстановке, выступая в Национальном собрании, премьер-министр М. Вальс обрушился на социологов, заявив, что им не следует искать социальное и культурное «оправдание» терроризма. Позже в январе 2016 г. глава кабинета уточнил свою позицию: объясняя причины терроризма, социологи, якобы, «оправдывают» это явление. Слова главы кабинета вызвали негодование в профессиональном сообществе. Французский социолог М. Вивьорка назвал позицию премьер-министра оскорбительной для исследователей. Социологи во главе с президентом Французской ассоциации социологии Ф. Лебароном опубликовали открытое письмо в газете «Le Monde». В нем подчеркивалось: «извинять» и «объяснять» — это два разные понятия. Социология, писали они, не имеет ничего общего с «культурой извинения» (Lebaron, Ledlicki, Willemez 2016). Позже премьер-министр попытался сгладить ситуацию. Весной 2016 г. в Париже проходила международная конференция, посвященная

радикальному исламу. Глава кабинета организовал прием для ее участников в Матиньонском дворце, в приветственном слове он выразил благодарность в адрес ученых, занимающихся этой проблематикой во всем мире. Однако говорить об изменении отношений между политиками и научным сообществом не приходится. *«Политики во Франции испытывают глубокое презрение к интеллектуалам»,* а *«власть считает, что может руководить научными исследованиями»,* — таково мнение респондентов.

Как французские элиты воспринимают изменение собственного статуса в обществе и новые социальные роли? Попробуем ответить на эти вопросы с помощью материалов интервью.

ОТНОШЕНИЯ В ЭЛИТНОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ: МНЕНИЯ АКТОРОВ

На протяжении истории мыслителей волновал вопрос, какими должны быть отношения между политиками и интеллектуалами. Немецкий социолог М. Вебер полагал, что интеллектуал в обществе выполняет одну из двух функций: пророка, несущего новое откровение, либо «советника правителя» подобно философам древности Конфуцию и Платону (Вебер 1994: 118). Для М. Вебера взаимоотношение между политикой и интеллектуальной деятельностью не было вопросом теории. Активная социальная позиция постоянно вовлекала ученого в политику. «В политическую жизнь он вмешивался, если считал, что может оказать помощь нации», — скажет о нем позже К. Ясперс (Ясперс 1994: 561).

Во Франции близкую позицию занял Р. Арон. Французский философ сформулировал идею «двойного императива», который подразумевает, что интеллектуал «одновременно знает историю, понимает политику, стремится к истине и в конечном итоге к принятию решений и действию». Этим двум императивам Р. Арон, по его собственному признанию, следовал на протяжении всей жизни, будучи

одновременно «зрителем и действующим лицом истории» (Арон 2006: 58). В своих отношениях с политиками он неизменно сохранял независимость и признавался, что поссорился со всеми президентами Пятой республики за исключением В. Жискара д'Эстена.

Активная политическая позиция характеризовала и другого известного французского мыслителя, друга юности, а позже оппонента Р. Арона — Ж.-П. Сартра. Интеллектуал, считал он, — это равнодушный человек, «который вмешивается в дела, его напрямую не касающиеся» (Sartre 1972: 12). Историк М. Винок в этой связи отмечал, что Ж.-П. Сартр относился к интеллектуалам, которые не могут молчать, но и не довольствуются критикой существующего строя (Winock 2011: 8). Действительно, на определенном отрезке жизни писатель был попутчиком коммунистов, проявлял интерес к СССР, Китаю, Кубе, а его представления об идеальном мире ассоциировались с идеями коммунизма.

Вопрос, как должны складываться отношения политиков и интеллектуалов, волнует французскую научную общественность и в начале XXI столетия. Посмотрим, какие модели поведения и взаимодействия с властью выбирают французские интеллектуалы.

Первая модель: «Отказ от сотрудничества» предполагает, что лица интеллектуальных профессий «не желают состоять при Версальском дворе». Главным для выбравших эту линию поведения является профессиональная деятельность, которой они отдают все силы и энергию. Для кого-то этот выбор обусловлен стремлением остаться в рамках профессии и сохранить внутреннюю свободу. Другие с пренебрежением относятся к практической стороне собственной деятельности. Многие представители французского научного сообщества не испытывают почтительности к власти и устранились от общения с ней. «Интеллектуалы теоретизируют, но не хотят ответственности», — замечает в этой связи респондент. И продолжает: «Французские ученые проводят исследования, пишут хорошие статьи, но у них нет привычки в тексте формулировать

рекомендации, как это делают англичане и американцы. В результате отстраненность от политической реальности обесценивает их интеллектуальный труд».

Нередко «отказ от сотрудничества» с властью становился реакцией на неудачные попытки интеллектуалов найти свое место в мире политики. «Нам хочется думать, — пишет известный французский социолог М. Вивьорка, — что от нас требуется обновить мысли политиков, разъяснить принятые ими решения. Мой опыт свидетельствует о том, что требования политической и научной жизни мало совместимы. Исследовательская деятельность нуждается (...) в свободе, поэтому она неразрывно связана с демократией» (Wieviorka 2015: 16). Социолог пытался сотрудничать с политиками, входил в «мозговой трест», созданный Первым секретарем ФСП М. Обри, но эта деятельность не была успешной. Примером другого неудавшегося сотрудничества с властью является французский экономист Т. Пикетти, автор нашумевшего исследования «Капитал в XXI веке». Он был советником С. Руаяль в ходе президентской кампании 2007 г., а пять лет спустя — советником Ф. Олланда. Предложения экономиста, направленные на сокращение социального неравенства, не были приняты кандидатом-социалистом. Пикетти не любит вспоминать об этом опыте. В 2015 г. он отказался принять высшую награду Франции — Орден Почетного легиона, заявив, что власть должна принимать меры для роста экономики, а не раздавать награды. Тем не менее ему не удалось полностью избежать политического соблазна: в 2017 г. он стал советником кандидата-социалиста Б. Амона.

Работа с властью, увлечение экспертизой, как полагают некоторые участники исследования, несут опасность для представителей творческих профессий. Отчасти это происходит вследствие того, что «советник правителя» вынужден подстраиваться к власти, принимать диктуемые ею правила. Правда, не все разделяют эту точку зрения. Респондент, возглавляющий частный аналитический центр, убежден, что многое зависит от личных качеств специалиста.

Вторая модель: «Советник правителя». В этом случае харизматичность интеллектуалов используется партиями и властными структурами. Таких людей А. Грамши называл «органическими интеллектуалами». Их особенность состоит, во-первых, в том, что они подчиняются дисциплине института или организации, с которой сотрудничают и, во-вторых, они отказываются от критики существующей власти и политического строя.

Политика и интеллектуала многое сближает. Эксперт, как и политик, анализирует ситуацию, пытается заглянуть в будущее, составить прогноз. Некоторые участники исследования рассматривают экспертов как часть политической элиты, полагая, что именно «серые кардиналы» формулируют политические идеи. Отметим, тем не менее, что большинство опрошенных эту точку зрения не разделяют. *«Интеллектуалы не являются политической элитой, они отлучены от высших сфер»*, — замечает участник опроса. *«Ученые, — подчеркивает другой респондент, — никогда не влияют на власть напрямую, у них для этого есть множество других каналов»*. Сами политики не склонны переоценивать роль экспертов. *«Эксперт должен помогать, давать пояснения. Но только политик принимает решения. Эксперты управлять государством не должны. Если это происходит, значит, политики не справляются со своими обязанностями»*, — убежден депутат Национального собрания.

Главное, что отличает политика от интеллектуала — это уровень ответственности. Эксперт предлагает различные сценарные варианты, его мнение может меняться. В отличие от эксперта политик принимает решение и отвечает за него перед своими избирателями. По возможным последствиям ошибка эксперта несопоставима с ошибкой политика. *«Я с большим недоверием отношусь к экспертам»*, — замечает политик. Свою настороженность он объясняет тем, что эксперты подстраиваются к ситуации, что отчетливо видно на примере «медиатизированных интеллектуалов», точка зрения которых совпадает с мнением среднестатистического обывателя. В отличие от

интеллектуала *«политик не имеет права сказать избирателям, что чего-то не знает».*

Государственная власть во Франции достаточно инерционна. Внешняя экспертиза, которая предполагает обращение государственных структур к специалистам-профессионалам, во Франции, в отличие от англо-саксонских стран, не получила широкого распространения. Министерства — закрытые корпорации до сих пор предпочитают обращаться за экспертной оценкой к высококвалифицированным государственным служащим. *«В реальности в политическом мире не так много площадок, где политики встречались бы с интеллектуалами и профессионалами, —* отмечает сотрудник аппарата Национального собрания. *— В Елисейском дворце, министерствах, профиль экспертов однотипный».* На взгляд этого участника, исключение составляет французский парламент, регулярно организующий парламентские слушания, на которые приглашаются специалисты. В Национальном собрании и Сенате проходят конференции и коллоквиумы, на которых выступают представители французского и международного научного сообщества.

Большинство принявших участие в исследовании аналитиков убеждены, что интерес политиков к интеллектуалам во Франции носит поверхностный, функциональный характер. Приведу несколько мнений. Политики встречаются с интеллектуалами *«не для того, чтобы узнать их точку зрения, а чтобы заимствовать красивую фразу, лозунг»*, — замечает информант. Отсутствие глубокого взаимодействия между двумя элитными группами респондент объясняет тем, что современный политический класс *«не умеет стратегически мыслить, следовательно, у него нет потребности в стратегически мыслящих интеллектуалах».*

Руководитель аналитического центра не скрывает горечи: *«В США к мнению моих коллег, экспертов, прислушиваются в административном аппарате. Некоторые из них регулярно выступают в Конгрессе или на заседаниях комиссий. Далеко не всегда*

политики следуют их советам. Это нормально, ведь решения принимает власть». Себя он считает свободным человеком: *«Я много пишу и публикуюсь, в оценках бываю очень критичным, в чем, кстати, меня упрекают. Но всегда придерживаюсь одного правила: говорю, что думаю».*

В последние два десятилетия во Франции наметились некоторые изменения в отношениях между властью и интеллектуальным сообществом. В 1990-е годы была осуществлена попытка привлечь французских историков к процессам над нацистскими преступниками. Этот опыт оказался неудачным: специалисты не захотели выступать в роли свидетелей. Позже обществоведов пригласили в качестве экспертов при обсуждении закона об однополых браках. В настоящее время французские социологи полагают, что их знания должны использоваться в судебной практике, как это происходит с психиатрами, мнение которых учитывается судом.

Третья модель: «*Советник гражданского общества*» предполагает, что представители интеллектуальных профессий отстаивают активную социальную позицию, но власть обслуживать отказываются. Вот как об этом рассуждает М. Вивьорка: «Мы не принадлежим к той эпохе, когда можно было противопоставлять ангажированных, находящихся на службе общего дела или политической партии исследователей, и научных работников, уединившихся в башне из слоновой кости (...) Существуют и другие типажи. Становится все больше тех из нас, кто, используя профессиональную компетенцию, стремится принимать участие в общественной дискуссии, жизни города» (Wieviorka 2015:16).

В прошлом центральной фигурой во французской интеллектуальной среде были писатели. В последние десятилетия возросла общественно-политическая роль ученых, преподавателей, исследователей в сфере общественных наук — антропологов, этнологов, социологов. Эти люди готовы предоставить свои знания в распоряжение гражданского общества. К помощи специалистов обращаются неправительственные организации, занимающиеся

защитой окружающей среды, сохранением природной фауны, проблемами изменения климата.

В 1971 г. М. Фуко создал Группу информации о положении в тюрьмах. В нее вошли судьи, адвокаты, журналисты, психологи. Задача организации состояла в том, чтобы собрать информацию о положении в тюрьмах, сделать ее доступной общественности, рассказать людям, что происходит в закрытых учреждениях. В 1998 г. был создан Фонд «Коперник», ставший альтернативным глобалистским исследовательским центром, в него вошли профессора университетов, представители общественных движений, выступающие с критикой глобализации. Против неолиберальной политики выступает интеллектуальное объединение «Raison d'agir». Экспертная поддержка усиливает позиции общественных организаций в их диалоге с властью и группами интересов. Социальная роль эксперта, обслуживающего гражданское общество, предполагает, что ученый выступает в качестве оппонента власти и официальных экспертов, формулирует альтернативные предложения. Исследовательница Ж. Сапиро называет этот вид деятельности «контр-экспертизой» (Sapiro 2009: 30).

Политика тесно взаимосвязана с журналистикой. *«Во Франции журналистика привязана к власти. Эта традиция идет от Ришелье. Хочешь сделать карьеру — будь близок к власти»*, — замечает журналист с большим стажем. Взаимоотношения власти и представителей журналистского сообщества не ограничиваются перспективами карьерного продвижения.

Существуют аспекты, касающиеся самой профессии. Политическое пространство и действующие на нем акторы — объект постоянного внимания со стороны прессы и телевидения. Политические события — важная часть информационного контента, для журналистов политики — ценный источник информации. *«Одни журналисты стремятся быть рядом с властью, другие хотят быть независимыми. Но это очень сложно: кто будет их печатать? А главное, откуда они возьмут информацию?»* — размышляет участник исследования.

Принято считать, что журналисты являются «манипуляторами». Анализ взаимоотношений власти и журналистского сообщества приводит к мысли, что и сами журналисты становятся объектом манипуляции. Власть не только предоставляет или не предоставляет информацию, она ее фильтрует. *«В Елисейском дворце имеется группа по связям с общественностью. Она вбрасывает нужную информацию, выделяя приоритетные сюжеты и оставляя в стороне те, о которых предпочитает умолчать»*. Аналогичной деятельностью занимаются отделы по связям с общественностью министерств и ведомств. *«Мне смешно наблюдать, как на брифингах журналисты ловят каждое наше слово, не понимая, что мы даем им лишь ту часть информации, которую посчитали нужной»*, — говорит сотрудник одного из министерств. “Фильтруя” информацию, политическая элита направляет в нужное русло дискуссии, которые разворачиваются в обществе. *«Я не осуждаю журналистов. У них сложная ситуация: они работают с той информацией, которую им дают»*, — замечает аналитик.

Теперь обратимся к суждениям политиков. Политики с вниманием относятся к тому, что о них говорят и пишут журналисты. Медиа предоставляют им трибуну, способствуют легитимации их власти. В начале года президент собирает в Елисейском дворце прессу для Новогоднего поздравления. Каждое важное политическое событие сопровождается организацией пресс-конференции и брифингов, на которые приглашаются представители ведущих изданий и телеканалов. Доверенных журналистов политики приглашают с собой в официальные поездки по стране и за границу. Одни политики стремятся расположить журналистов к себе, такой стратегии придерживались В. Жискара д’Эстен и Ж. Ширак. Кто-то окружил себя преданными журналистами, как это делал Ф. Миттеран. Некоторые пытаются заигрывать с журналистами, но эта линия поведения не приносит желаемых результатов (Н. Саркози, Ф. Олланд).

В последние десятилетия социальные роли элитных групп диверсифицировались. Политики в обществе призваны представлять идеи и программы своих партий, защищать интересы избирателей. Сегодня все большую роль в жизни политика играет коммуникация. Коммуникативная функция предъявляет к политику новые требования: он должен уметь вести дискуссию в прямом эфире, быть находчивым, парировать удары противников. Коммуникация меняет политический дискурс, примитивизируя и одновременно делая его более агрессивным. Респонденты как политики, так и эксперты, убеждены, что в информационном обществе способность коммуницировать является важнейшим достоинством политика, идет ли речь о партийном руководителе или главе государства. Коммуникация становится многообразной — это выступления перед широкой аудиторией, в прямом эфире по радио и телевидению, участие в политических дебатах, ток-шоу. *«Руководитель должен постоянно присутствовать в медианпространстве, объяснять принятые решения, дальнейшие направления действий. Без этого он будет «вялым», «непонятным»»*. Отчасти плохими «коммуникативными способностями» респонденты объясняют низкие рейтинги политиков.

Коммуникация сближает политиков и журналистов. Это проявляется, во-первых, в том, что их деятельность все чаще подчиняется логике *“текущего момента”*. Респонденты отмечают: новое поколение политиков, сформированное внутри партийного аппарата, живет сегодняшним днем, у них отсутствует стратегия на будущее. Не без т ревоги опрошенные говорили о том, что, возможно, впервые за всю историю Франции сформировалось поколение политиков, которые не испытывают уважения и не интересуются культурой. Многие, особенно молодые политики, *“не знают и не помнят, что делали их предшественники, какие основные события происходили в ушедшем столетии”*. “Короткая историческая память” порождает узкий горизонт видения, неспособность мыслить в долгосрочной перспективе, оценивать события, исходя из знания

прошлого, а не сегодняшнего дня. Главное для них — сохранить влияние и власть.

Во-вторых, политиков и журналистов сближают базовые политические и общественные установки. В последние десятилетия во французском обществе получила распространение новая политическая культура — ”эгалитарный гуманизм”, в основе которой лежат принципы толерантности, уважения к правам меньшинств, в том числе и сексуальных, а наряду с этим т.н. “политическая корректность”. Ценности новой политической культуры получили распространение среди сторонников левых партий, они активно продвигаются медийным сообществом. В ходе интервью респонденты отмечали, что претендующая на широту взглядов новая политическая культура в реальности порождает одномерное видение окружающего мира. У многих участников опроса это вызывает нескрываемое раздражение. *“Новое поколение политиков обучалось в одних учебных заведениях, сформатировано на один манер, можно сказать, отлито из одной формы, — замечает респондент. — Они не мыслят самостоятельно, видят окружающий мир в черно-белых тонах, а политическая корректность стала их новой религией”*. “Единомыслие” — это слово не раз звучало в ходе интервью. Установленный формат, в котором приходится действовать различным элитным группам, как полагает исследователь Ж. Вильд, свидетельствует о «советизации» французского общества. Французские элиты, на взгляд ученого, своей социальной гомогенностью, идейной монолитностью все больше напоминают советскую номенклатуру¹.

В-третьих, представителей политической и медийной элиты сближают демонстрационные формы поведения, стремление сконцентрировать внимание публики на собственной персоне. Анализ текстов выступлений президентов Пятой республики свидетельствует, что с 1980-х годов глава государства не просто стремится донести до

---

¹ Из беседы с автором (сентябрь 2016). — Архив автора.

публики свои взгляды, но выстраивает контакт с аудиторией. Сегодня выступление президента — это способ самоутверждения. Коммуникация заостряет внимание на конкретном политике, еще больше усиливает персонифицированный характер власти. В прошлом политические партии и политики отстаивали идейные принципы, формулировали лозунги, а политическая конкуренция выражалась в столкновении различных политических проектов. Сегодня политическая борьба становится менее идеологически обоснованной и более агрессивной. Участники исследования часто применительно к современной политике употребляли понятие *“политический спектакль”*. В этом “спектакле” политики и журналисты обращаются не столько к разуму людей, сколько к их впечатлениям и эмоциям. *“Политику, чтобы быть услышанным, приходится быть грубым, забивать и оскорблять противника”*.

Несмотря на сближение, отношения между политическими и информационными акторами несут в себе напряженность. В ряде интервью взаимодействие между политиками и журналистами оценивалось как острое соперничество. *“Политики недовольны тем, что медиа захватывают все большие власти”*, а *“журналисты убеждены, что обладают уникальной информацией”*. Конкуренция и взаимное недовольство нарастают. В работе журналиста информационный контент уступил место комментарию. *“Журналисты стремятся изложить собственное представление о событии, не видя самого события”*. Часто конфликты возникают на почве интерпретаций: политики не согласны с тем, как их идеи представлены журналистами. Нередко ссоры становятся публичными, к примеру, когда политик покидает эфир во время передачи. В свою очередь информационных акторов раздражает утрата монополии на информацию, самостоятельная коммуникативная активность политических акторов. Они не всегда понимают, как следует реагировать на высказывания политиков в социальных сетях: как на официальное политическое заявление или как на эмоциональную реакцию.

Особенно богатой на политико-медийные конфликты оказалась президентская кампания 2017 г. В ходе нее все основные кандидаты на президентский пост стали объектом пристального внимания со стороны журналистов. В феврале 2017 г. вспыхнул первый громкий скандал: в прессе появилось сообщение, что кандидат на президентский пост от правоцентристской партии «Республиканцы» Ф. Фийон в свою бытность депутатом Национального собрания использовал фиктивные рабочие места, устроив жену и двоих детей своими помощниками. За журналистским расследованием последовало расследование компетентных органов. Через месяц политику было предъявлено официальное обвинение. В последующие месяцы дело Ф. Фийона находилось в центре внимания СМИ. Последствия не заставили себя долго ждать: политический рейтинг Ф. Фийона, который ранее рассматривался как основной претендент на президентское кресло, резко понизился. Политик обвинил журналистское сообщество в политической травле и организации беспрецедентной клеветнической кампании.

На протяжении истории праворадикальная партия «Национальный фронт» неоднократно оказывалась в центре скандалов. Нынешняя кампания не стала исключением. Руководителя НФ и депутата Европарламента М. Ле Пен подозревают в использовании фиктивных рабочих мест, которые оплачивались из бюджета ЕС. Правда, это раскрытое журналистами дело не повлияло на популярность М. Ле Пен, поскольку ее сторонники рассматривают своего кандидата как жертву политического режима, Жанну д'Арк XXI столетия. Сама М. Ле Пен полагает, что цель медийной операции — помешать нормальному ходу ее избирательной кампании.

СМИ не забыли и о Э. Макроне, руководителе движения «Вперед!». В марте 2017 г. появилась информация относительно финансирования его избирательной кампании, параллельно сообщалось, что, будучи министром экономики, он занимался продвижением интересов ряда крупных французских компаний за рубежом. В течение месяцев

внимание французской общественности было приковано к скандальным новостям. С подачи журналистского сообщества повестка избирательной кампании была изменена: вместо обсуждения партийных программ политики вынуждены были отвечать на вопрос о том, что они думают по поводу скандалов и персон, в них замешанных.

Напряжением отмечены и отношения между интеллектуалами и журналистами. Интеллектуалы утрачивают прежнюю роль «властителей дум» и больше не влияют на поведение французов. Если говорить о присутствии в информационном пространстве, их не устраивают агрессивность СМИ, формат выступлений по радио/телевидению и время, отпущенное на беседу. Постоянный секретарь Французской академии и советник нескольких французских президентов Э. Каррер д' Анкосс, признает, что в последние годы стала реже выступать в СМИ, поскольку каждая новая ее статья сопровождается публикацией, в которой излагаются контрдоводы, часто это делается некорректно¹.

Невзирая на существующую напряженность, журналистское и академическое сообщество взаимодействуют. Научный мир является источником идей, которые журналисты «переводят» на доступный широкой публике язык. Именно поэтому, полагает респондент, взгляды ученых и журналистов *«во многом совпадают»*. Кроме этого СМИ предоставляют ученым возможность донести свою точку зрения до широкой публики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном обществе роли политических, информационных, интеллектуальных акторов меняются. Политики наряду с интеллектуалами и журналистами все чаще выполняют функцию коммуникаторов. Развитие коммуникации трансформирует политику и журналистику: властные отношения конструируются и осуществляются путем управления и манипулирования

---

¹ Из беседы с автором. — Архив автора (лето 2007).

коммуникационными процессами. В прошлом во Франции литература играла важнейшую роль в формировании общественных настроений и объединении социума. В настоящее время коммуникация происходит не посредством литературы, но благодаря социальным сетям.

Коммуникация становится инструментом укрепления позиций политических акторов. Политики оказались пластичными и адаптивными. Они приняли новую функцию и успешно осваивают коммуникационное пространство. Иная ситуация складывается в интеллектуальном сообществе. В этой среде, как свидетельствуют материалы исследования, существует поляризация. На одном полюсе интеллектуалы и ученые, дистанцирующиеся от СМИ. На другом те, кто, как и политики, осваивают новые способы коммуникации. *«Чтобы быть услышанным, интеллектуал должен присутствовать в мультимедиа. Я знаю, что оказываю влияние на настроения в обществе. Сегодня я веду собственные блоги, общаюсь с пользователями Интернета»*¹, — говорит М. Вивьорка.

Особенностью новой реальности стали политико-медийные альянсы. В них политики являются источником информации и активными коммуникаторами, журналисты создают медийное событие, совместно с политиками комментируют его и транслируют обществу, а интеллектуалы представляют оценку происходящего с позиций морали и универсальных ценностей.

Все более прозрачны границы между политической, коммуникационной и интеллектуальной деятельностью. Многие представители политической элиты пришли в политику из сферы коммуникации. В начале своей политической карьеры М. Вальс, в недавнем прошлом премьер-министр, был советником по связям с общественностью премьер-министров М. Рокара и Л. Жоспена. После окончания политической карьеры политики нередко становятся специалистами по связям с общественностью или начинают заниматься

---

¹ Из беседы с автором в сентябре 2016 г. — Н. Л.

литературой. Политики и журналисты часто обучались в одних учебных заведениях, знакомы с юности, являются завсегдатаями одних и тех же элитных клубов и салонов. Нередко возникают семейные медийно-политические союзы. Многие французские политики женаты на профессиональных журналистках: *“Складывается впечатление, что эти две профессии созданы друг для друга”*.

В век коммуникационной революции СМИ оказываются сильнее политиков и даже президента, что противоречит политической логике Пятой республики. Опыт пребывания у власти двух последних президентов свидетельствует, что во Франции набирает силу процесс десаκραлизации президентской власти. СМИ в нем играют важную роль. Институциональные способы защиты личной жизни у президента отсутствуют, в лучшем случае ему приходится вырабатывать собственные механизмы самозащиты (Trierweiler 2015:159).

Конституционная реформа 2008 г. изменила уголовно-правовой статус главы государства. По новому закону решение о смещении главы государства с поста принимается на совместном заседании двух палат парламента, которое именуется Высокой палатой правосудия (La haute cour de justice). Решение о смещении президента открывает возможность судебного преследования. Судебная ветвь власти, как считает специалист по конституционному праву Б. Матье, все чаще берет верх над властью политической. В результате политический процесс становится более открытым, но одновременно возникает опасность, «поскольку открываются шлюзы для потока обвинений в адрес главы государства» (Матье 2014: 127).

Расширение полномочий судебной власти упомянуто здесь не случайно. В эпоху медиаполитики число акторов, действующих в информационном пространстве, возрастает. Следователи и судьи, позиционирующие себя в современном французском обществе в качестве «блюстителей общественной нравственности», нередко провоцируют утечку информации, касающуюся следствия, еще до того, как подозреваемый становится обвиняемым. Эта информация

передается СМИ. «Правление судей», коммуникационная активность судейского корпуса вызывают неприятие в обществе. «Тесное сосуществование юстиции и медиа, — отмечает Ж.-П. Шевенман, — по сути отменяет тайну следствия и презумпцию невиновности» (Chevènement 2017: 43). С мнением политика согласны юристы: активное вторжение судебных властей в политику дестабилизирует демократию (Kriegel 2017: 44).

Отношения внутри элитного треугольника и за его пределами становятся все более напряженными. Нынешнюю ситуацию можно определить формулой «борьба всех против всех». В эту борьбу включены политики, журналисты, представители судебной власти, которые независимы от власти политической, но не беспристрастны. Как изменить сложившуюся ситуацию? Как остановить губительную войну всех против всех? Еще какое-то время назад был уместен позитивный сценарий: каждый занимается своим делом. А именно: политики — представляют и отстаивают интересы граждан; журналисты — информируют общество о происходящем в стране и мире; интеллектуалы — являются носителями морали и универсальных ценностей. Однако, как становится ясно из материалов исследования, — это логика прошлого, она не соответствует медиаполитической реальности.

Миллионы французов регулярно смотрят шоу с участием известных политиков и журналистов. Политический спектакль создает иллюзию причастности к «большой политике», вызывает интерес, но при этом медийная популярность не конвертируется в доверие. Создаваемые СМИ образы неустойчивы, это своего рода «мыльные пузыри», которые в любой момент могут лопнуть. И аудитория это хорошо понимает: лишь у 24 % французов медиа пользуются доверием (Le Varo mètre 2017: 35).

По мере превращения политиков в коммуникаторов выстраивается их виртуальная связь с обществом, но реальная связь утрачивается. Не с этим ли связан кризис политического представительства, о кот ором

все чаще пишут во Франции? Эмпирическое исследование, проведенное в январе 2017 г. показало: подавляющее большинство французов не испытывают доверия к политическим партиям (89 %) и политической элите (депутату своего округа доверяли 45% опрошенных, действующему президенту — 25%, премьер-министру — 35%) (Le Baromètre 2017: 35).

Не только политики становятся коммуникаторами. Благодаря новейшим технологиям рядовые граждане также получили возможность открыто высказывать свое мнение о политике и политиках. В социальных сетях политики превращаются в объект насмешек и критики. Протестное творчество масс можно сравнить с массовыми социальными движениями, которыми так богата история Франции. Множащиеся медиа-атаки еще более способствуют снижению уровня доверия общества к политике и политикам. Смогут ли политические, информационные и прочие социальные акторы преодолеть трудности, возникающие в век коммуникационной революции, и конвертировать капитал виртуальных связей в реальное взаимодействие с социумом? От ответа на этот вопрос во многом зависит стабильность политических институтов и будущее демократии.

Список литературы

- Арон Р. Пристрастный зритель: Интервью с Ж.-Л. Миссика, Д. Вольтоном. М.: Праксис, 2006.
- Вебер М. Социология религии // Вебер М. Избранное. Образ общества. — М.: Юрист, 1994. С. 78–308.
- Голль де Ш. *На острие шпаги*. — М.: Изд-во «Европа», 2006.
- Жискар д'Эстен В. *Власть и жизнь*. М.: Международные отношения, 1990.
- Кастельс М. *Власть коммуникации*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
- Лапина Н.Ю. Элиты и политические институты Пятой республики // *Франция на пороге перемен. Экономика и политика в начале XXI века* / Отв. ред. А.В. Кузнецов, М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. — М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 96–108.

Ле Пен М. *Сквозь враждебные волны*. М.: Кучково поле, 2016.

Матьё Б. Место президента Республики во французской институциональной системе: От текста к практике // *Политические институты России и Франции: Традиции и современность*. / под ред. Д.В. Ефременко и Н.Ю. Лапиной. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 113–127.

Рахшир П. *Франсуа Миттеран: противник и последователь де Голля*. — Доступ: <https://www.newsko.ru/articles/nk-240575.html> (Дата доступа: 17.07.2003).

Ясперс К. Речь памяти Макс Вебера // Вебер М. *Избранное. Образ общества*. М.: Юрист, 1994. С. 553–566.

Antonin A., Rissouli K. *Conversations privées avec le président*. Paris : Albin Michel, 2016.

Le Baromètre de la confiance politique. Vague 8. Janvier 2017. Available at: [www.](http://www.cevipof.com/)

cevipof.com/fr/le-barometre-de-la-confiance-politique-du-cevipof/resultats-1/vague-8 (accessed: 25.01.2017).

Baudriller M. *Une histoire trouble de la V-e République. Le poison des affaires*. Paris: Tallandier, 2015.

Changer la vie. Programme de gouvernement du parti socialiste. Paris: Flammarion, 1972.

Chapsal J. *La vie politique sous la V-e République*. Paris : PUF, 1981.

Chaubet F. De Gaulle et les intellectuels : histoire d'un différend // *De Gaulle et les élites* / Sous la dir. de : Berstein S., Birnbaum P., Rioux J.-P. Paris: La Découverte, 2008.

Chevènement J.-P. Je suis inquiet pour l'avenir de notre démocratie // *Express*. Paris, 2017. 8–14 mars. P. 42.

Cohen S. Démocratie et politique étrangère. Repenser les termes du débat. — Mode of access: www.ceri-sciencepo.com/cerifr/.../cohen.php (accessed: 18.08.2011).

Courtois G., Finchelstein G., Perrineau P., Teinturier B. *Fractures françaises 2015- vague 1*. Paris : Fondation Jean Jaurès, 2015.

Duhamel A. *Une histoire personnelle de la V-e République*. Paris: Plon, 2014.

Giesbert J.-O. *Monsieur le Président. Scènes de la vie politique (2005–2011)*. Paris : Flammarion, 2011.

Jauvert V. *La face cachée du Quai d'Orsey : enquête sur un ministère à la dérive*. Paris : Robert Laffont.

Jospin L. Lionel raconte Jospin. Entretien avec P. Favier et P. Rotman. Paris: Seuil, 2010.

Kriegel B. Une réforme de la justice est nécessaire // *Express*. Paris, 2017. 8–14 mars. P. 44.

Lacouture J. Mitterrand. Une histoire de Français. Tome 1. Paris: Seuil, 1998.

Lebaron F., Ledlicki F., Willemez L. La sociologie, ce n'est pas la culture de l'excuse ! // *Le Monde*. Paris. 14 déc. 2015.

Liste de sondages sur l'élection présidentielle française de 2017. Available at: https://fr.wikipedia.org/Wiki/Liste_de_sondages_sur_l_election_presidentielle_francaise_de_2017 (accessed: 25.01.2017).

Marteau S., Zemouri A. *L'Elysée off. Secrets, trahisons et coups tordus au palais*. Paris: Fayard, 2016. 213 p.

Mayaffre D. *Nicolas Sarkozy. Mesure et démesure du discours (2007–2012)*. Paris : Presse de la Fondation des sciences politiques, 2012. 360 p.

Mélenchon concurrence Norman // *L'Obs*, Paris, 2016. 8–14 déc. N 2718. P. 14.

Peyrefitte A. *C'était de Gaulle*. Paris: Fayard, 1994.

Radiographie des députés français sur le Twitter. Available at: <http://www.augure.com/wp-content/uploads/2014/04/radiographie-deputes-francais-twitter.pdf> (accessed 11.07.2014).

Raffy S. C'était Rocard // *L'Obs*. Paris, 2016. 7–13 juillet. N2696. P. 22.

Remond R. Les intellectuels et la politique // *Revue française de science politique*. Paris, 1959. Vol. 9. 4. P. 860–880.

Rouban L. *La politique par le haut. Les entourages de l'exécutif de Nicolas Sarkozy à François Hollande*. Paris : CEVIPOF, 2015.

Rouban L. Les sommets de l'exécutif urbain: les maires des villes de plus de 30000 habitants entre 1983 et 2014. *Revue française d'administration publique*. Paris, 2015. N2. P. 377–390.

Sapiro G. Modèles d'intervention politique des intellectuels. Le cas français Actes de la recherche en sciences sociales. Paris, 2009. N 176–177.

Sartre J.-P. *Plaidoyer pour les intellectuels*. Paris : Gallimard, 1972.

Trierweiler V. *Merci pour ce moment*. Paris: Le livre de poche, 2015. 384 p.

Wieviorka M. Avant-propos. Demain, les sciences humaines et sociales // Penser global. Internalisation et globalisation des sciences humaines et sociales Sous la dir. De M. Wieviorka, L. Lévi-Strauss et G. Lieppe. Paris: Ed. de la Maison des sciences de l'homme, 2015.

Winock M. L'eff et des générations. Unebrève histoire des intellectuels français. Vincennes: Ed. Th ierry Marchaisse. 2011. 151 p.

THE INTERACTION OF ELITE GROUPS IN FRANCE

N. Lapina

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2016.3.2>

Abstract. *The article is focusing on the transformation of the relations between politicians, intellectuals and journalists. In the communication society, the roles of political, information and intellectual actors are changing. Politicians, along with intellectuals and journalists, are increasingly performing the function of communicators. The development of communication transforms politics and journalism: power relations are constructed and implemented through communication processes. The boundaries between political, communication and intellectual activities are becoming more transparent. In the era of media policy, the number of actors operating in the information space is melting. Judges and investigators actively represent themselves in media, and this situation leads to violation of the principle of the secrecy of investigation. Relationships within the elite triangle and beyond are becoming increasingly tense. The current situation could be defined as “the struggle of all against all”.*

Keywords: *politicians, intellectuals, journalists, The Fifth Republic, France, communication revolution, media policy, communication.*

References

Antonin A., Rissouli K. *Conversations privées avec le président*. Paris: Albin Michel, 2016.

Aron R. *Pristrastnyy zritel'*: Interv'y u s ZH.-L. Missika, D. Vol'tonom [*The biased audience*]. Moscow: Praksis, 2006. (In Russian)

Baudrillard M. *Une histoire trouble de la V-e République. Le poison des affaires*. Paris: Tallandier, 2015.

Changer la vie. Programme de gouvernement du parti socialiste. Paris: Flammarion, 1972.

Chapsal J. *La vie politique sous la V-e République*. Paris: PUF, 1981.

Chaubet F. De Gaulle et les intellectuels : histoire d'un différend, In: *De Gaulle et les élites / Sous la dir. de: Berstein S., Birnbaum P., Rioux J.-P.* Paris: La Découverte, 2008.

Chevènement J.-P. Je suis inquiet pour l'avenir de notre démocratie, *Express*. Paris, 2017. 8–14 mars. P. 42

Cohen S. *Démocratie et politique étrangère. Repenser les termes du débat*. — Mode of access : www.ceri-sciencepo.com/cefrifr/.../cohen.php (accessed: 18.08.2011).

Courtois G., Finchelstein G., Perrineau P., Teinturier B. *Fractures françaises 2015- vague 1*. Paris: Fondation Jean Jaurès, 2015.

Duhamel A. *Une histoire personnelle de la V-e République*. Paris: Plon, 2014.

Giesbert J.-O. *Monsieur le Président. Scènes de la vie politique (2005–2011)*. Paris: Flammarion, 2011.

Goll' de Sh. Na ostiye shpagi [de Gaulle, Ch. *At the point of the sword*] / Transl. from French. Moscow: Yevropa, 2006. (In Russian)

Jauvert V. *La face cachée du Quai d'Orsey: enquête sur un ministère à la dérive*. Paris: Robert Laffont.

Jospin L. *Lionel raconte Jospin. Entretien avec P. Favier et P. Rotman*. Paris: Seuil, 2010.

Kastel's M. Vlast' kommunikacii [Castells, M. *Communication power*] / Transl. from English. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki. 2016. (In Russian)

Kriegel B. Une réforme de la justice est nécessaire, *Express*. Paris, 2017. 8–14 mars. P. 44.

Lacouture J. *Mitterrand. Une histoire de Français*. Tome 1. Paris: Seuil, 1998.

Lapina N.Yu. Elity i politicheskie instituty Pyatoi respubliky [Elites and political institutions of the Fifth Republic], In: Frantsiya na poroge peremen. *Ekonomika i politika v nachale XXI veka [France on the verge of change. Economics and politics at the beginning of the XXI century]* A.V. Kuznetsov, M.V. Klinova, A.K. Kudryavtsev, P.P. Timofeev, ed.] Moscow: IMEMO RAN, 2016, pp. 96–108. (In Russian)

Le Baromètre de la confiance politique. Vague 8. Janvier 2017. Available at: www.cevipof.com/fr/le-barometre-de-la-confiance-politique-du-cevipof/resultats-1/vague-8 (accessed: 25.01.2017).

Le Pen M. Skvoz' vrazhdebnye volny [Le Pen, M. *Trough the waves of hostile*] / Transl. from French. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. (In Russian)

Lebaron F., Ledlicki F., Willemez L. La sociologie, ce n'est pas la culture de l'excuse !, *Le Monde*. Paris. 14 déc. 2015.

Liste de sondages sur l'élection présidentielle française de 2017. Available at: [https://fr.wikipedia.org/Wiki/Liste_de_sondages_sur_l_election_presidentielle_francaise de 2017](https://fr.wikipedia.org/Wiki/Liste_de_sondages_sur_l_election_presidentielle_francaise_de_2017) (accessed: 25.01.2017).

Marteau S., Zemouri A. *L'Elysée off. Secrets, trahisons et coups tordus au palais*. Paris: Fayard, 2016. 213 p.

Mat'ye B. Mesto prezidenta Respubliki vo frantsuzskoi institutsional'noi sisteme: Ot teksta k praktike [Mathieu, B. The place of president in French institutional system: from text to practice] / Transl. from French, In: Politicheskie instituty Rossii i Frantsii: Traditsii i sovremennost' [*Political institutions of Russia and France: Tradition and contemporaneity*] / Ed. by D.V. Efremenko, N.Yu. Lapina N.Yu. Moscow: INION RAN, 2014, pp. 113-127. (In Russian)

Mayaff re D. *Nicolas Sarkozy. Mesure et démesure du discours (2007–2012)*. Paris:

Presse de la Fondation des sciences politiques, 2012. 360 p.

Mélenchon concurrence Norman, *L'Obs*, Paris, 2016. 8–14 déc. N 2718. P. 14.

Peyrefitte A. *C'était de Gaulle*. Paris: Fayard, 1994.

Radiographie des députés français sur le Twitter. Available at: <http://www.augure.com/wp-content/uploads/2014/04/radiographie-deputes-francais-twitter.pdf> (accessed 11.07.2014).

Raff y S. C'était Rocard, *L'Obs*. Paris, 2016. 7–13 juillet. N2696. P. 22.

Rakhsmir P. Fransua Mitteran: protivnik I posledovatel' de Gollya [Rahshmir P. *Francois Mitterrand: enemy and follower of de Gaulle*]. — Available at: <https://www.newsko.ru/articles/nk-240575.html> (accessed: 17.07.2003). (In Russian)

Remond R. Les intellectuels et la politique, *Revue française de science politique*, 1959, 9 (4), pp. 860–880.

Rouban L. *La politique par le haut. Les entourages de l'exécutif de Nicolas Sarkozy à François Hollande*. Paris: CEVIPOF, 2015.

Rouban L. Les sommets de l'exécutif urbain: les maires des villes de plus de 30000 habitants entre 1983 et 2014, *Revue française d'administration publique*, 2015, 2, pp. 377–390.

Sapiro G. Modèles d'intervention politique des intellectuels, *Le cas français Actes de la recherche en sciences sociales*, 2009, 176–177.

Sartre J.-P. *Plaidoyer pour les intellectuels*. Paris: Gallimard, 1972.

Trierweiler V. *Merci pour ce moment*. Paris: Le livre de poche, 2015. 384 p.

Weber M. Sotsiologiya religii [Sociology of Religion], In: Weber M. Izbrannoye, Obraz obshchestva [*Selected works. Image of society*] / Transl. from German. Moscow: Yurist, 1994, pp. 78–308. (In Russian)

Wieviorka M. Avant-propos. Demain, les sciences humaines et sociales, In: *Penser global. Internalisation et globalisation des sciences humaines et sociales* / Sous la dir. De M. Wieviorka, L. Lévi-Strauss et G. Lieppe. Paris: Ed. de la Maison des sciences de l'homme, 2015.

Winock M. *L'eff et des générations. Une breve histoire des intellectuels français*. Vincennes: Ed. Thierry Marchaisse. 2011. 151 p.

Yaspers K. Rech pamyati Maksa Vebera [Jaspers, K. Speech of the memory of Max Weber], In: Weber M. Izbrannoye. Obraz obshchestva. Ozbrannoye. Izbrannoye. Obraz obshchestva [*Selected works. Image of society*] / Transl. from German. Moscow: Yurist, 1994, pp. 553–566. (In Russian)

Zhiskar d'Esten V. Vlast' i zhizn' [d'Éstaing, Giscard. *Power and Life*] / Transl. from French. Moscow: Meshdunarodnyye ot-nosheniya, 1990. (In Russian)

